

УДК 811.161.1 (075.8)

Алефиренко Николай Фёдорович

Лингвокультуральная природа ментальности

Аннотация

Понимание лингвокультуры как словесно-художественной формы деятельности в единстве таких её категориальных признаков, как эстетико-символическая энергетика языковых знаков, ненаследственность информации и репрезентативность духовных ценностей народа, позволяет выявить две важные закономерности. В ходе речемыслительной деятельности под воздействием этнокультурной ментальности формируется художественный дискурс, в рамках которого в условиях интенционально обусловленного видения картины мира происходит речевая реализация проецируемого ментальностью системного значения слова.

Ключевые слова

Лингвокультура, этноязыковое сознание, менталитет, ментальность, значение и смысл.

Введение

В современной лингвокультурологии понятие «ментальность» используется в двух смысловых ракурсах: во-первых, когда говорят об этнической или социальной обусловленности нашего сознания и, во-вторых, когда пытаются обосновать истоки духовного единства и целостности народа. В этих

же смысловых рамках данное понятие может быть использовано и когнитивной лингвокультурологией. Более того, для нее оно оказывается базовым, поскольку эту научную дисциплину интересует тот аспект соотношения языка и культуры, в котором основное внимание сосредоточено, прежде всего, на механизмах вербализации этнического менталитета.

Ментальность как общефилософская категория сопряжена с такими когнитивно-культурологическими понятиями, как «познание», «духовность», «менталитет» и «концепт». *Познание* — процесс постижения закономерностей внешнего и внутреннего мира человека как феномен приобретения знаний. *Духовность* — свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. *Ментальность* формируется в познании мира; *менталитет* — по сути, сама наивная картина мира в целостной прагматичности народного сознания; *духовность* для русского народного характера наряду с разумной составляющей — это перво-сущность ментальности; *концепт* — ее основная единица, ее первосмысл, не обретший формы, не способный «прорасти словом»¹.

Ментальные признаки народного сознания объективируются в языке; и в этом плане в лингвокультурологии востребованными оказываются категории языковой семантики в их когнитивно-синергетическом понимании: значение и смысл, внутренняя форма номинативных единиц языка,

средства вторичной и косвенно-производной номинации, культурные коннотации и т. п.

Синергетика взаимодействия языка, сознания и культуры как источник ментальности

Взаимообусловленность системности лингвокультуры и синергетики предопределяется системностью дискурсивного сознания, которое является, пожалуй, самым сложным творением познавательной энергии самой культуры². Системность мышления дает возможность названные критерии рассматривать как аспекты, грани, подсистемы лингвокультуры как сверхсложного и целостного феномена, отображающего художественно-творческую деятельность человека, раскрывающую его отношение к природе, обществу и самому себе. В наше время на основе накопленных знаний о системности концептосферы и синергетике языка, сознания и культуры можно говорить не только об их взаимном дополнении, но и об их лингвокративности, формирующей менталитет народа в целом и каждого человека в отдельности.

1 Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб: Петербург. Востоковедение, 2004. — С. 19.

2 Ср.: Каган М. С. Введение в культурологию: Курс лекций. — СПб., 2003. — С. 7.

Принципы синергетики не противоречат системным: синергетика позволяет проникнуть в глубинные структуры любого системного образования, в том числе и такого сложного, как менталитет народа. Более того, синергетика лингвокультуры (в современном её понимании) возникла благодаря системному и деятельностному подходам к феномену словесно-художественного творчества.

Применение синергетической методологии к исследованию лингвокультуральной природы ментальности востребовано самой природой лингвокультуры, которая обладает всеми свойствами синергетических (самоорганизующихся) систем, исследованием которых и занимается синергетика: открытостью, нелинейностью, неустойчивостью, стохастичностью, когерентностью и др. К тому же понимание лингвокультуры как словесно-художественной формы деятельности позволяет выявить роль и значимость удерживающих её трех китов. Это — (1) эстетико-символическая энергетика языковых знаков, (2) ненаследственная (приобретённая) информация и (3) духовные ценности народа — создателя и носителя соответствующей лингвокультуры. На их базе выделяются основные критерии

словесно-художественной деятельности: а) эстетико-символический, б) информационный и в) аксиологический. Тем самым определяется когнитивно-вербальная сущность лингвокультуры: искусственно создаваемая деятельность человека, направленная на знаково-символическое хранение и передачу внегенетической информации, раскрывающей духовную сущность ценностно-смыслового континуума человеческого бытия.

Для когнитивно-синергетической теории лингвокультурологии такое сопряжение позволит производить семантический анализ слова с точки зрения иерархии его содержательных элементов на уровне глубинных, наномасштабных структур народного менталитета. Возможность создания в современной лингвокультурологии когнитивно-синергетической теории ментальности опирается на фундаментальное положение когнитивной науки, ориентированной на изучение закономерных связей и отношений языковой системы со средой. Среда по отношению к той или иной единице, категории или группировке как исходной системе трактуется А. В. Бондарко как «множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов, играющих по отношению к исходной системе роль

окружения, во взаимодействии с которыми она выполняет свою функцию»³.

Содержание понятия «среда», в нашем представлении, конституируется двойственностью картины мира, поскольку включает в себя объективную действительность и ее отражение в сознании, т. е. реальную действительность и идеальный мир человека. Семиотизированный внутренний мир человека — основа ментальности, поскольку «человеческие культуры создаются на основе той всеобъемлющей семиотической системы, которой является естественный язык»⁴. Это служит достаточным основанием полагать, что менталитет и лингвокультура взаимодействующие категории. Кроме того, взаимоотношение исходной системы (языка) и среды (этнокультурного сознания), в моём понимании, может включать также и функциональное взаимодействие языка (системы) и речи (культурно-дискурсивной среды, в которой система реализуется).

С позиций когнитивно-синергетического подхода задачи теории ментальности значительно шире традиционной: изучать вербальные механизмы

организации, обработки, хранения и передачи культурно значимой информации в функциональном единстве языка и речи. Проблема обработки и хранения знаний изначально была главной задачей когнитивной лингвистики (см. работы Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Р. Лангакера, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, А. П. Бабушкина и др.). Однако до сих пор основное внимание уделялось тому, как эта задача выполняется в процессе когнитивной работы нашего мышления (когнитивная психология) или в ходе языкового мышления (когнитивная лингвистика). В этом плане проведена колоссальная исследовательская работа⁵, подготовившая почву для изучения того, как осуществляется обработка, хранение и передача культурно значимых знаний в процессе формирования менталитета и его отображения в *речевом мышлении* человека.

С одной стороны, в ходе речемыслительной деятельности под воздействием этнокультурной ментальности порождаются речевые образования, а с другой — в условиях отображения ре-

3 Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М., 2002. — С. 193.

4 Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство — СПб, 2000. — С. 400.

5 См.: Болдырев Н. Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. — Тамбов, 2002. — С. 360–369; Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания. — Иркутск, 2008. — С. 84.

альной ситуации в дискурсе реализуется обусловленное ментальностью системное значение слова. На решение этой задачи направлены многочисленные поиски адекватных подходов и эффективных теорий (Е. С. Кубрякова, Т. А. Фесенко, Ю. А. Сорокин, Дж. Андерсон, Дж. Лакофф, Th. Nergmann и др.). Иными словами, в таком речемыслительном пространстве этнокультурной ментальности на фоне речевого моделирования отображаемой ситуации происходит актуализация одних элементов (сем) семантической структуры и погашение других⁶.

Теории, рассматривающие отображение в языковой семантике этнокультурной ментальности, по сути, решают проблему соотношения языкового значения и смысла. К таковым (с известными, разумеется, разъяснениями) относятся теория когнитивных карт (У. Найссер), фреймовая (С. J. Fillmore, В. Т. Atkins), теория смысловых спецификаторов (L. W. Barsalou), аргумент-

ной семантики (В. Levin), процедурной семантики (J. Davidson) и др. Их объединяет основная общая идея — стремление показать способы и механизмы адекватного представления в человеческом сознании глубинных связей между языковой семантикой, культурой и онтологическими свойствами познаваемого объекта — синергетического основания лингвокультуры.

Некоторые исследователи основными элементами теории ментальности считают единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением (В. В. Красных). В первом приближении такое понимание предмета лингвокультурологии не вызывает возражения. И все же оно, с одной стороны, «растворяется» в предмете языкознания (единицы языка и дискурса), а с другой — не учитывает когнитивной составляющей. Попробуем согласовать названные аспекты проблемы взаимоотношения языка и культуры путем преобразования данной дихотомии в трихотомию «язык — познание — культура». При таком подходе предметом когнитивно-дискурсивной лингвокультурологии оказываются языковые механизмы интериоризации знаний, мнений и способов представления объективной действительности, выработанные человечеством в рамках

6 Алефиренко Н. Ф. Когнитивные основания лингвосемиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. — Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. — S. 379; Алефиренко Н. Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема // Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра. — Братислава, 2005. — С. 75–79.

той или иной этнокультуры, их вербализации в виде конститuentов (сем) семантической структуры номинативных единиц языка. И в этом плане такого рода системы оказываются творением человеческого разума, продуктом ценностно-смысловой (культурологической, когнитивно-синергетической) интерпретации познаваемой действительности, составляющей содержательную сущность ментальности того или иного народа.

Ментальность: сопряжение языка, сознания и культуры

С точки зрения когнитивно-синергетической лингвокультурологии, ментальность — это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества⁷. Обратим внимание на структурированность, внутреннюю предрасположен-

ность человека как члена определенной этноязыковой общности поступать тем или иным образом в соответствующих стереотипных обстоятельствах. В свою очередь, эпицентром ментальности (при таком ее понимании) выступают соответствующие этнокультурные константы, которые, как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании. В этой связи особую значимость приобретает суждение о том, что в культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. Из данного определения следует, что ментальность гораздо шире понятия «культура» и глубже сознания, поскольку проявляется, как правило, на подсознательном уровне. В ее зачастую непостижимых глубинах зарождаются и развиваются культурные феномены, определяющие менталитет человека и народа.

Менталитет — это своего рода стереотипная установка культурно-когнитивного «камертона» на восприятие наивной картины мира сквозь призму ценностной прагматики этнокультурного сознания. По мнению А. Т. Хроленко⁸, менталитет состоит не столько из идей, сколько из чувств, настроений, мнений, впечатлений, под-

7 Ср.: Kintsch W. Memory and cognition. — N. Y. (etc.), 1977. — P. 27; Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб., 1999. — С. 51.

8 Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта-Наука, 2008.

сознательно управляющих человеком. Различают менталитет личности, национальный, региональный и даже групповой менталитет. Так, можно говорить о менталитете Льва Толстого, менталитете русских, славянском менталитете, менталитете европейцев, африканском менталитете или менталитете «новых русских» и т. д. Ментальность и концептосфера в совокупности составляют этнокультурное содержание понятия «образ мира».

Поскольку и культура, и язык связаны с ментальностью народа, т. е. его мироощущением и мировосприятием, возникает необходимость осмыслить проблему соотношения культуры и языка с ментальными категориями. Прежде всего, предстоит выяснить, каков характер этого взаимодействия — репрезентативный или сущностный? Это вопросы далеко не праздные, хотя и не новые, на них пытались ответить издавна. Их понимание настолько многообразно, насколько различны определения самих базовых категорий — сознания, культуры и языка. В первую очередь, необходимо выяснить, как соотносится с ментальностью языковое сознание.

Попытаемся представить аргументы, позволяющие рассматривать *языковое сознание* как важнейшую составляющую ментальности. Ис-

ходным для нас служит утверждение А. Я. Гуревича, что язык является главным средством, цементирующим ментальность. Данное суждение многими воспринимается как аксиома. Однако все же возникает необходимость выяснить, благодаря каким механизмам язык выполняет столь сложную задачу? Для этого придется ответить, по крайней мере, на два вопроса: какова природа языкового сознания и отличаются ли структуры языкового сознания от когнитивных структур?

Наиболее убедительными для нас являются данные психолингвистики, согласно которым языковое сознание порождается вербализованными когнитивными структурами. Экспериментальной семантикой выявлено, что «никогда не устанавливается полного тождества между когнитивными единицами <...> и «знаемыми» языковыми значениями»⁹. Давно разделяя эту точку зрения уже с позиций когнитивной лингвокультурологии¹⁰, все же считаем важным подчеркнуть, что в формировании и репрезентации того или иного эт-

9 Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. — М., 1983. — С. 50.

10 Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. — СПб., 2002. — № 2. — С. 60.

нокультурного пространства участвуют оба типа отражательных единиц: когнитивные смыслы и языковые значения. Более того, на заключительной стадии познания они принципиально предполагают друг друга. Дело в том, что общественное сознание на высшем этапе своего становления формируется и фиксируется главным образом при участии лингвокреативного мышления. Творческая интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей осуществляются на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира. «В ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются слова, знания, опыт и культура поколений»¹¹. Именно вербализованный опыт, знания, культура, накопленные определенным этноязыковым сообществом, и создают ментальность — своеобразную форму овладения миром. И в этом плане нуждается в критическом осмыслении точка зрения Г. В. Колшанского¹², согласно которой, располагая понятиями «сознание» и «картина мира», нельзя говорить

11 Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном сознании. — М., 1972. — С. 103.

12 Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990.

отдельно о *языковом сознании*, <...> отдельно о *языковой картине мира*.

Спору нет: «язык не познает мир» (Е. Coseriu). Но также справедливо и то, что в языке (1) получает «отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека», (2) «находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире — природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика» — все то, что в преобразованном виде, приобретая символическую интерпретацию, отражает глубинные исторические корни ментальности. Так, русские идиомы *гадать на бобах* — 'строить беспочвенные предположения' и *бобы разводить* — 'заниматься пустыми разговорами, медлить с делом, задерживаясь на пустяках' возникли на почве еще дохристианского культурного концепта «судьба» (силу предсказания судьбы имело гадание с помощью бобов, расположение которых на расстеленном платке выражало определенный смысл). Значение второй идиомы обусловлено коммуникативно-прагматическим контекстом: гадание обычно занимало много времени, сопровождалось неторопливым рассказом.

Наличие коммуникативно-прагматического аспекта лингвокультуры

приводит некоторых исследователей к необходимости различать языковое и речевое сознание (на этом настаивают и психо- и нейролингвисты, в частности, А. Н. Портнов). Языковое сознание связано с иерархией значений и операций в речемыслительной деятельности человека, а речевое — с механизмами построения и понимания высказываний. С недавнего времени появились работы, в которых языковое сознание рассматривается как один из уровней картины мира, как один из возможных вариантов освоения и презентации мира (А. П. Стеценко).

Несмотря на интерес и ценность, которые представляют данные подходы, все же при этом остаются на периферии проблемы взаимоотношения языка, сознания и культуры. С этой точки зрения, нам ближе лингвокогнитивный подход, согласно которому языковое сознание имеет собственно когнитивные отличия. Оно определяется (а) как средство формирования, хранения и переработки языковых знаний (языковых знаков вместе с их значениями, правилами синтактики и прагматическими установками), (б) как механизм управления речевой деятельностью. В этом смысле языковое сознание является условием существования всех других форм сознания. По данным психологии, оно выполняет

несколько функций когнитивного характера: отражательную (она конституирует языковую картину мира системой языковых значений), оценочную, селективную (отбор языковых средств в соответствии с коммуникативными намерениями общающихся), интерпретационную (интерпретация языковых, а не внеязыковых явлений). «Языковое значение, — пишет А. Вежбицкая, — это интерпретация мира человеком, и никакие операции над «сущностями реального мира» не приближают к пониманию того, как устроено это значение»¹³.

В результате такой интерпретации происходит трансформация элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, воплощаются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *идеальные артефакты* — языковые образы, символы, знаки, заключающие

13 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Рус. словари, 1996. — С. 6.

в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Как средства интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания, они являются базовыми концептами ментальности.

Социально значимая активность лингвокультурологических единиц (словесных образов, языковых знаков и символов) обуславливается, прежде всего, их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов. Система порождаемых смыслов является содержательной основой языкового сознания. Реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отраженную модель мира.

Сами же смысловые связи в таком случае представляют собой результат устойчивых, социально значимых и многослойных ассоциативных отношений между элементами отраженной в языковом образе ситуации. Это дает возможность единицам язы-

ка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию, «траекторию культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения мира (А. А. Потебня, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер, В. Вундт, М. Мюллер, Дж. Фрейзер, Э. Тэйлор, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс и др.). «Ядро языкового сознания формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей»¹⁴.

Ядро русского языкового сознания целесообразно определять по методике А. А. Залевской¹⁵: из обратного ассоциативного словника выбираются имена концептов — существительные, вызванные наибольшим количеством стимулов (подсчёты А. А. Залевской): *человек* (773), *дом* (593), *жизнь* (494), *друг* (410), *деньги* (367), *дурак* (352), *радость* (300), *дело* (299), *день* (290), *лес* (289), *любовь* (289), *работа* (288), *ребенок* (267), *стол* (259), *дорога* (257), *разговор* (254), *мужчина* (249), *мир* (248), *свет* (246), *дерево* (241), *парень* (228), *женщина* (223), *книга* (223), *счастье* (216), *вода* (212), *солнце* (199), *вре-*

14 Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — С. 194.

15 Залевская А. А. Проблемы описания значения. — М., 1998. — С. 28.

мя (198), мальчик (198), машина (196), море (188), кино (188), муж (183), город (182), ответ (180), девушка (177), боль (174), товарищ (174), предмет (172), собака (171), ночь (171), хлеб (164), путь (150). Сама методика такого рода исследования может вызвать критику по двум направлениям: за атомизм (случайно выбранные слова) и за то, что эти слова-концепты не определяют исключительно русскую ментальность, поскольку без труда вычленимы в качестве таковых и в других лингвокультурах. Первое возражение снимается тем, что критерием отбора слов-концептов служит частотность, которая, с одной стороны, по утверждению А. Вежбицкой, является показателем их этнокультурной значимости, а с другой — устраняет случайность выборки. Второе возражение только на первый взгляд кажется неоспоримым. Действительно, данные концепты представляют собой духовные универсалии, их лингвокультурная специфика скрыта от внешнего восприятия. И все же она имеется, хотя и открывается нашему сознанию только в результате специального семантического анализа.

Поэтому (наряду с другими) эти слова-концепты отображают «сквозные мотивы русской языковой картины мира», представляют основные

вехи психической жизни, включающей интеллектуальную и эмоциональную сферы. Первую символизирует слово-концепт «голова», а вторую — «сердце»¹⁶. И действительно, даже на подсознательном уровне в одном случае «всплывают» слова и фразеологизированные выражения *светлая голова, с головой, башковитый*, а во втором — *с сердцем, сердечно поздравляю, сердцем чувствую, без сердца, нет сердца, бессердечный*. С ними в близких семантических связях и отношениях находятся слова-концепты с аксиологически положительной семантикой: «душа» (*на душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открывать душу, душа нараспашку, разговаривать по душам*); «широта» (*широта <русской> души, широта взглядов*; ср. родственные слова-концепты *размах, простор, дали, приволье, раздолье*); «удаль» (ср. *у-даль, удаль -удача <удаться>; удаль молодецкая, удалой молодец*); «судьба» (*судьба решается, так судьба распорядилась, не судьба, такая уж судьба*); «счастье».

Счастье в русском менталитете ассоциируется с везением: *счастливый случай, счастливая карта, счастливый день*. Традиционно считалось, что счастье не зависит от личных усилий и

16 Шмелев А. Г. Указ. соч. — С. 309.

услуг человека: *Счастье придет, и на печи найдет; Дуракам — счастье; Не родись красивым, а родись счастливым.* В русском традиционном сознании счастье сродни ситуации *на авось* — 'действовать наугад, наобум'. В рассказе Аверченко «Шпаргалка» читаем: «А счастье, *русское знаменитое «авось»* — вещи слишком гадательные, и не всегда они вывозят». Аксиологическая характеристика слова-концепта «счастье» не только не однозначна, но нередко и энантиосемична. Ср.: *Всяк своего счастья кузнец; Счастье у каждого под мозолями лежит* и *Счастье, что палка: о двух концах; Счастье без ума — дырявая сума; Счастье что волк: обманет да в лес уйдет.* Кроме паремий, в состав которых входит слово *счастье*, концепт «счастье» вербализуется и средствами косвенно-производной номинации: *на седьмом небе* — '(быть) безгранично счастливым', *на вершине блаженства* — 'чувствовать себя невероятно счастливым', *родиться в сорочке (рубашке), родиться под счастливой звездой* — 'быть счастливым и удачливым во всем', *точно заново (на свет) родился* — 'о состоянии счастья'.

Анализ показывает, что наше подсознание обращено, прежде всего, к прецедентным словам и выражениям. И в этом плане следует согласиться

с Ю. А. Сорокиным в том, что прецедент — знак ментальности. Под понятием прецедента, введенного в лингвистику Ю. Н. Карауловым, понимаются речевые образования: «1) значимые для данной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер <...>, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»¹⁷.

Каждый из прецедентов обладает яркой аксиологичностью. Они являются носителями социально санкционированных оценок со знаком «плюс» или со знаком «минус». Большинство из них — обладатели негативной оценочности. Дело в том, что вторичные знаки порождаются наиболее яркими и запоминающимися признаками. А таковыми чаще оказываются негативные впечатления: *где раки зимуют* — 'о выражении угрозы', *курам на смех* — 'сделать что-либо не так', *разводить бодягу* — 'заниматься болтовней, пустым делом'. Положительное воспринимается как норма и поэтому не так сильно будоражит наше воображение. Как видим, основным средством выражения ментальности служит коннотативная семантика, объективирующая такие когнитивные образования,

¹⁷ Караулов Ю. Н. Указ. соч. — С. 216.

как обыденно-понятийные, образные и даже мифические структуры, составляющие базовые смысловые пласты культурного концепта. Поскольку в когнитивной лингвистике продолжаются дискуссии о сущности концепта, укажем, в каком значении употребляется этот термин в нашей работе. В наиболее обобщенном виде это — оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное и вместе с тем жестко неструктурированное смысловое образование. Его содержание включает результаты любого вида умственной деятельности: не только абстрактные или интеллектуальные когнитивные структуры, но и непосредственные сенсорные, моторные, эмоциональные переживания во временной ретроспективе¹⁸. Концепт обладает главным качеством для выражения ментальности народа: способностью концентрировать в себе результаты дискурсивного мышления в их образно-оценочном и ценностно-ориентированном представлении. В этом, пожалуй, главная специфическая черта концепта. Как зародыш, зернышко первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы

18 Ср.: Langacker R. W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. — Cambridge, 1997. — P. 26.

его воплощения в действительности¹⁹, концепт представляет культурно маркированное мировосприятие.

Для обсуждения проблемы языкового воплощения ментальности того или иного народа целесообразно различать общекультурные концепты (*мир, свобода, жизнь, любовь, смерть, вечность*), отражающие общечеловеческие ценности сквозь призму этноязыкового сознания, и этнокультурные концепты (*дача — у русских, фазенда — у латиноамериканцев, заграда, хата или халуна — у чехов, letnisko, willa — у поляков и др.*). С другой стороны, общекультурные концепты также содержат (скрытые) этнокультурные смыслы. Как и в других этнокультурах, русская ментальность сформировала «свое» представление о мире, выраженное в прецедентных именах и текстах (у старшего поколения — *«лишь бы не было войны»*), свободе (*«жить свободно, как птица»*), жизни (*«жизнь дается один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»*), любви (*«любовь зла — полюбишь и козла»* и *«любовь не картошка: в горшке не сваршишь»*), смерти и вечности (*«уйти в мир иной — лучший, более справедливый, более спокойный»*).

19 Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб., 1999. — С. 51.

Закрепленные в русском языковом сознании концепты как феномены культуры неоднородны. Одни из них образуют ядро *этнокультурного пространства*, другие — его периферию. Ядро этноязыкового сознания составляют феномены, которыми обладают все члены лингвокультурного сообщества. Те же представления, которые являются достоянием только отдельного человека или небольшого круга людей, образуют периферию лингвокультурного пространства. Периферия этнокультурного пространства способна порождать новые смыслы, которые приращиваются, как правило, в процессе реализации так называемой векторной валентности, направленной от одной когнитивной единицы к другой. Векторы смысловой валентности весьма динамично и оперативно формируют инновационные микрополя современного русского менталитета (рынок — *хищный, воровской, грабительский*; приватизация — *прихватизация*; новый русский — *ловкач, стяжатель, толстосум*, сколотивший состояние сомнительным способом, и др.).

Представленное здесь своеобразие русского менталитета (сознательное и бессознательное, эксплицитное и имплицитное) кодифицировано в семиотических границах русской этнокультуры,

а сама ментальность в таком понимании предстает в качестве своего рода «познавательного кода». Употребление генетического термина «код» здесь не случайно. Он подчеркивает главное: ментальность — продукт наследования этнокультурной информации²⁰.

Познавательный, генетический коды науке хорошо известны. Однако что такое *код культуры*? Ответ на этот непростой вопрос ищут и философы, и психологи, и культурологи. В понимании Е. В. Шелестюк²¹, код культуры — это своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Можно найти достаточно явные соответствия между кодами культуры и древнейшими архетипическими представлениями человека. И это неудивительно, так как эти представления они, собственно говоря, и «кодируют».

Если продолжить аналогию с «сеткой», то можно сказать, что коды культуры «образуют» некую матрицу или систему координат, с помощью которой задаются и затем сохраняются

20 Подробнее см.: Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры. — С. 69.

21 Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2008. — С. 38.

в нашем сознании эталоны (образцы) культуры. Сами по себе коды культуры — категории универсальные, т. е. они присущи любому человеку. Но это не значит, что они одинаково проецируют культуру на язык. Ведь и их проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре, образы языка, в которых эти категории воплощаются, всегда этнически, культурно и лингвально обусловлены.

Культура, как известно, располагает достаточно большим набором познавательных кодов. Но базовым кодом, ядром семиотической системы любой национальной культуры служит, без сомнения, этнический язык, поскольку он — не просто «средство описания культуры, а, прежде всего, знаковая квинтэссенция самой культуры»²². Код — это принцип организации материального (субстратного) носителя информации (Д. И. Дубровский), открыто-замкнутая система означивания, в которой элементы, знаки получают свою значимость (value) через парадигматические и синтагматические соотнесения с другими знаками (Б. А. Парахонский), символический порядок образования и организации значе-

ний, порождаемый базисными моделями культуры.

Из этого следует, что код не просто разновидность языка, как, например, диалект, он стоит как бы над лингвистической системой; код выступает типом социальной стилистики или символическим механизмом формирования значений. Для выражения ментальности народа код особо значим, поскольку кодирование, опираясь на знаки, не ограничивается процессом передачи сообщений. Это процесс, который, представляя глубинные механизмы познания, образует каркас всего процесса семантизации действительности, продуктом которой выступают ценностно-смысловые отношения, сложившиеся в той или иной культуре. Такие смысловые отношения фокусируют в себе синергетическое взаимодействие языка, сознания и культуры. Поэтому нельзя не согласиться с Б. А. Парахонским в том, что «изучение механизмов кодирования реальности проливает свет на скрытые глубинные процессы жизни культуры, устанавливая конечные параметры ее организации»²³.

Культура формируется и существует благодаря лингвокреативному

22 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. — М. : Языки рус. культуры, 1998.

23 Парахонский Б. А. Стиль мышления: Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. — Киев: Наук. думка, 1982. — С. 72.

мышлению, «привязанному» к определенному месту, времени, событию и опыту в целом. Поэтому язык культуры — это ее «приводящий ремень», «пятый элемент», стихия, естественная среда ее обитания, способ символической организации. Мир языковых значений с его структурой ценностно-смысловых отношений оказывается культурной формой существования культурного знания и способом его функционирования в духовно-практической деятельности народа²⁴.

Сознание как вербализованная форма социального опыта выступает, таким образом, когнитивной базой культуры²⁵, ее смыслообразующим средством. В связи с этим особым содержанием наполняется суждение, высказанное в работе А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко²⁶: смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем, прежде всего лингвосемиотической. А определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, принадлежащих в той или иной степени

всем членам этноязыкового сообщества, служит когнитивной базой ментальности народа.

Итак, о ментальности можно говорить как о синергетическом восприятии мира сквозь призму взаимодействия языка, сознания и культуры. В наиболее лаконичном изложении синергетическое взаимодействие этих категорий обнаруживается в их следующих функциях. Культура как семиотизированное этническое сознание предполагает именование всему, что входит в этнокультурное пространство. Она является источником знакообразования, основным способом передачи человеческих знаний (наряду с наследственной видовой и индивидуальной памятью). Изучение языка, следовательно, позволяет увидеть мир изнутри этноязыкового сознания, сформированного соответствующей культурой (Н. В. Уфимцева). Это становится возможным потому, что само этноязыковое сознание представляет собой присущий данному этносу инвариантный образ мира, непосредственно закодированный в языковых значениях (Е. Ф. Тарасов). Языковой знак как «живая клеточка» этноязыкового сознания несет в себе скрытую энергию (потенциальную модель) культурного поведения, а система значений отражает систему самой этнокультуры. Именно благодаря

24 Там же. — С. 64.

25 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. — М. : Языки рус. культуры, 1998. — С. 34.

26 Там же.

системности языковых значений возможно познание наивного образа мира того или иного этнокультурного сообщества, лежащего в основе его ментальности. В этом смысле лингвокультура

является способом выражения этнического менталитета как особого видения мира в конкретных хронотопных условиях художественно-творческого бытия того или иного народа.

Список литературных источников

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивные основания лингвосомиозиса // *Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag*. Herausgegeben von P. Deutschmann. – Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. – S. 379–395.
2. Алефиренко Н. Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема // *Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра*. — Братислава, 2005. — С. 75–79.
3. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // *Мир русского слова*. — СПб., 2002. — № 2. — С. 60–74.
4. Болдырев Н. Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // *Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр.* — Тамбов, 2002. — С. 360–369.
5. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М., 2002. — 736 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Рус. словари, 1996. — 416 с.
7. Залевская А. А. Проблемы описания значения. — М., 1998. — 127 с.
8. Каган М. С. Введение в культурологию: Курс лекций. — СПб., 2003. — С.6–14.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
10. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб., 1999. — 368 с.
11. Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб: Петербург. Востоковедение, 2004. — 240 с.
12. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990. — 108 с.
13. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. — Иркутск, 2008. — 320 с.

14. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство — СПб, 2000. — 704 с.
15. Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном сознании. — М., 1972. — 233 с.
16. Парахонский Б. А. Стиль мышления: Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. — Киев: Наук. думка, 1982. — 119 с.
17. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. — М. : Языки рус. культуры, 1998. — 371 с.
18. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. — СПб: Питер, 2005. — 480 с.
19. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта-Наука, 2008. — 184 с.
20. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2008. — 232 с.
21. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. — М., 1983. — 158 с.
22. Kintsch W. Memory and cognition. — N. Y. (etc.), 1977. — 279 p.
23. Langacker R. W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. — Cambridge, 1997. — P. 6–28.

Информация об авторе

Алефиренко Николай Федорович; заслуженный деятель науки РФ; доктор филологических наук; профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Alefirenko Nikolay Fedorovich

Linguistic-cultural nature of mentality

Abstract

Understanding of linguistic culture as verbal-artistic form of activity in the unity of its categorical attributes such as aesthetic-symbolical energetics of linguistic signs, not heredity of information and representativeness of intellectual national values allows to expose two important objective laws. In the course of speechcognitive activity the art discourse is formed under the impact of ethnocultural mentality. In art discourse it happens that the speech realization of systemic meaning of word which is projected by mentality in conditions of intentionally determined view of pattern of the world.

Keywords

Linguistic culture, ethnolinguistic conscience, mentality, meaning, sense

Bibliography

1. Alefirenko N. F. The cognitive base of lingvosemiotics // *Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann.* – Wien (Austria): Praesens Verlag, 2007. – S. 379–395.
2. Alefirenko N. F. The synergetics of linguistic culturology as a methodical problem // *Russian word in the centre of Europe: today and tomorrow.* – Bratislava, 2005. – P. 75–79.
3. Alefirenko N. F. The ethnolanguage sense coding in a mirror of the culture // *Mir russkogo slova.* – St. Petersburg, 2002. – № 2. – P. 60–74.
4. Boldyrev N. N. The language mechanisms of an evaluative categorization // *Reality, language and consciousness: International interhigh school: Coll. of scientific papers.* – Tambov, 2002. – P. 360–369.
5. Bondarko A. V. The theory of value in system of functional grammar: On Russian material. – Moscow, 2002. – 736 p.
6. Vezhbitskaya A. *Language. Culture. Knowledge.* – Moscow: Russkie slovari, 1996. – 416 p.
7. Zalevskaya A. A. *The problems of the sense description.* – Moscow, 1998. – 127 p.

8. Kagan M. S. Introduction in cultural science: the course of lectures. – St. Petersburg, 2003. – P. 6–14.
9. Karaulov U. N. Russian language and the language person. – Moscow: Nauka, 1987. – 263 p.
10. Kolesov V. V. «Life occurs from a word...». – St. Petersburg, 1999. – 368 p.
11. Kolesov V. V. Language and mentality. – St. Petersburg: Petersburg. Oriental studies, 2004. – 240 p.
12. Kolshansky G. V. Objective picture of the world in knowledge and language. – Moscow: Nauka, 1990. – 108 p.
13. Kravchenko A. V. Cognitive linguistics horizon. – Irkutsk, 2008. – 320 p.
14. Lotman U. M. Semiosfera. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 2000. – 704 p.
15. Mihajlova I. B. The sensual reflexion in modern consciousness. – Moscow, 1972. – 233 p.
16. Parahonsky B. A. Style of thinking: Philosophical aspects of the analysis of style in sphere of language, culture and knowledge. – Kiev: Naukova dumka, 1982. – 119 p.
17. Pelipenko A. A., Jakovenko I. G. Culture as a system. – Moscow: Jazyki russkoj kultury, 1998. – 371 p.
18. Petrenko V. F. Psychosemantics bases. 2nd ed., revised. – St. Petersburg: Piter, 2005. – 480 p.
19. Hrolenko A. T. The basics of lingvoculturology. – Moscow: Flinta-Nauka, 2008. – 184 p.
20. Shelestjuk E. V. The speech influence: ontology and research methodology: Monograph. – Chelyabinsk: Encyclopedia, 2008. – 232 p.
21. Shmelev A. G. Introduction in experimental psychosemantics. – Moscow, 1983. – 158 p.
22. Kintsch W. Memory and cognition. – N. Y. (etc.), 1977. – 279 p.
23. Langacker R. W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualisation / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge, 1997. – P. 6–28.

Author's data

Alefrenko Nikolay Fedorovich; Honoured Scientist of the Russian Federation; Full Doctor of Philology; Professor of Russian Department Belgorod State University; e-mail: n-alefrenko@rambler.ru